

Журнал «Эпистемология и философия науки».

Контуры замысла

И.Т. КАСАВИН

Идея создания нового журнала, специально посвященного эпистемологии, философии науки и когнитивным наукам, долго зрела в коллективе единомышленников Института философии Российской академии наук. Не буду утомлять читателя излишними подробностями. Скажу только, что без благожелательной поддержки директора Института философии РАН, академика В.С. Степина, дело бы не сдвинулось с мертвой точки.

Позвольте познакомить вас, дорогие читатели и будущие авторы журнала, с нашим замыслом. Цель журнала — в содействии исследователям в области эпистемологии и философии науки, а также логики, когнитивных наук, синергетики, социальных и гуманитарных дисциплин, в той или иной мере связанных с изучением науки и познавательного процесса в целом. Особое внимание мы будем уделять вопросам преподавания в высшей школе, в частности, связанным с введением нового курса истории и философии науки в рамках программы кандидатского минимума.

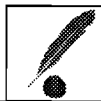

Последние годы многие из нас испытывают дефицит профессионального общения. Поэтому мы будем выстраивать политику журнала так, чтобы объединять профессионалов, способствовать их диалогу и исследовательскому взаимодействию. Мы исходим из того, что сердцевиной теоретической философии являются именно исследования в области эпистемологии и философии науки. Этот тезис никоим образом не отрицает важности других философских дисциплин — истории философии, анализа ценностного сознания, религиоведения, философской антропологии. Вместе с тем мы хотели бы подчеркнуть значение методологической составляющей философского мышления. Если стержнем мировоззрения, без сомнения, является система культурных ценностей, то ядром теоретической философии является методологическая рефлексия, без которой невозможны ни концептуальное мышление, ни научное образование. Пренебрежение различием между мировоззрением и теоретическим мировоззрением чревато утратой рационального отношения к миру. Мы исходим из необходимости сохранять и поддерживать его.

Мы верим, что Россия была и будет страной не только нефте- и газодобычи, но не в последнюю очередь страной образованных и культурных людей. В странах с развитой научной, образовательной и философской культурой (США, Германии, Великобритании, Италии и др.) существует целый ряд специализированных журналов по эпистемологии и философии науки (*British Journal for the Philosophy of Science*, *Philosophy of Science*, *Zeitschrift für allgemeine Wissenschaftstheorie*, *Epistemologia*, *Social Epistemology* etc.). В России движение в этой области только начинается, хотя «Теория познания и онтология» и «Философия науки и техники» давно являются ведущими философскими специальностями по классификации ВАК.

1. ФИЛОСОФИЯ, НАУКА, РАЦИОНАЛЬНОСТЬ

Наука как система идей, типов деятельности, общения и способов практического воздействия на окружающую действительность в наши дни как никогда обширна и — оправданно или нет — символизирует собой современность как таковую. Неудивительно, что на нее возлагается и высокая, даже чрезмерная ответственность. Быть может, поэтому наука вынуждена постоянно оправдываться за свои, неизбежные как во всяком крупном деле, просчеты, хотя последние, к счастью,

пока не могут сравниться по масштабам с просчетами других важнейших социальных институтов — политических, экономических, религиозных и др.

Представление о кризисе науки имеет, помимо всего прочего, гносеологическую основу и состоит в смешении различных аспектов науки и приписывании одному из них функции другого. Критике подвергается, во-первых, основанная на науке техника и ее использование; во-вторых, догматический научный сциентизм; в-третьих, институциональные структуры науки. Однако экологические проблемы возникли, как известно, не в современную эпоху, догматизма также во все времена было достаточно, а социальные институты в любых областях, как правило, вызывали недовольство. И хотя наука, действительно, связана едва ли не со всеми сторонами современной жизни, на нее нельзя возлагать основную ответственность за социальные проблемы — тот, кто занимает такого рода антисциентистскую позицию, не замечает, что рассуждает, как завязатый сциентист. Разговоры о «кризисе современной науки» часто выражают лишь тот тривиальный факт, что наука не может заменить собой или подчинить себе всю культуру и иные социальные структуры. Культурная функция науки весьма локальна, она реализуется лишь в небольшом числе развитых стран, где как раз и осуществляет себя — на фоне остальных фундаментальных ценностей — здоровое стремление применить критерии научной рациональности к самой науке, а также скорректировать место научной рациональности в системе культуры для сохранения общей гармонии.

Происходящее сегодня в значительной степени коренится в том «докризисном» прошлом, когда понимание науки было по преимуществу *сциентистским*. «В нашу эпоху наука пользуется неслыханным признанием. От нее ждут решения всех проблем — всепроникающего познания бытия в целом и помощи во всех бедах. Ложная надежда является, по существу, научным суеверием, а последующее разочарование ведет к презрению... Таким образом, наука является, правда, знаменем нашей эпохи, но в таком облике, в котором она перестает быть наукой»¹, — замечает К. Ясперс. Ему вторит Л. Витгенштейн: «Дабы удивиться, должен человек — и, быть может, народы — воспрять ото сна. Наука есть средство усыпить его вновь»². Антисциентистские настроения только подтверждают, что судьба философии и, сегодня, как уже многие века, при всем многообразии ее направле-

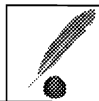
¹ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994. С. 111.

² Wittgenstein L. Culture and Value, Oxford 1980. P. 5.

ний и течений, связана с судьбой науки — как ее собственного предмета, источника проблем и понятий, объекта апологетики или критики.

Напомним, что научная рациональность вместе с тем не была изначальным идеалом европейской культуры, потому что не всегда эту культуру сопровождала наука и не всегда наука играла в ней лидирующую роль. Научная рациональность — это достаточно позднее образование, включившее в себя ряд предшествующих культурных архетипов (греческих, иудейских, римских). Поэтому с момента своего возникновения и до наших дней рациональность в своих исторических формах (как *соразмерность мира стандартам и критериям разума, логики, науки; как диалоговый дискурс; как организованный текст; как целесообразность*) оказывается и остается одной из конкурирующих культурно-исторических программ наряду с такими культурными архетипами как *мифическое архэ, традиция, религиозная вера, мировая воля или экзистенция*. Вместе с тем, начиная с XVII в., наука прогрессивно и ускоренно развивается, а ее вклад в общественную жизнь постоянно растет. В этих условиях научная рациональность становится фундаментальным идеалом европейской культуры, точнее, одним из них наряду с такими понятиями как *личность, свобода, демократия, творчество, духовность*. Более того, она сохраняется в качестве идеала лишь постольку, поскольку включена в целостную систему этих идеалов и самоопределяется через отношение к ним. Поскольку научная рациональность — неотъемлемая часть данной системы, часть, выражающая собой систему в целом, постольку *научная рациональность есть также и личность, свобода, демократия, творчество, духовность*, хотя и не сводится к ним. Можно по-разному оценивать критику научной рациональности, с которой выступил П. Фейерабенд, назвав науку «догматической идеологией», или некритически принятым мифом, но одно несомненно: он высказал озабоченность рассогласованием науки и базисных ценностей современной культуры. Он как раз говорил о культурном содержании научной рациональности, которую нельзя сводить к исторически изменчивым особенностям научной деятельности, доступным лишь специалистам и оцениваемым по внутринаучным методологическим критериям или практическим результатам. Да и сама дискуссия о научной рациональности показывает: культурная ценность науки в том, что она обеспечивает рефлексивно-аналитический уровень обсуждения проблем; поднятие на такой уровень всякого диалога или дискуссии — одна из важных культурных задач науки. Мы сегодня осознаем, что эпистемология призвана изучать не только научное знание, но все многооб-

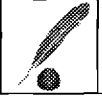

разие его типов. Однако это означает не снижение познавательного статуса науки, но расширение, либерализацию философского дискурса. Элиминация же науки из предмета эпистемологической рефлексии неизбежно ведет к элиминации самой эпистемологии.

На фоне общемировой тенденции критического отношения к науке и технике защита идеи рациональности приобретает важный мировоззренческий смысл. Эта идея относится к важнейшим ценностям современной культуры, которая не может существовать без критического и рефлексивного мышления, без науки, дающей его образцы, без эпистемологии и философии науки, занимающихся их исследованием. Вместе с тем признаки кризиса в области эпистемологии и философии науки достаточно очевидны. К примеру, количество публикаций в этой области уменьшилось, по некоторым оценкам, не менее чем в два раза по сравнению с 1985 годом, в то время как объем публикаций по политологии, культурологии и религиоведению возрос на порядок и продолжает возрастать. Одна из специфических для России причин данного положения дел в том, что эпистемология и философия науки, имевшая в рамках марксизма статус «неполитической ниши», в условиях интеллектуальной свободы утратила привлекательность убежища. Кроме этого, «постмодернистская революция» и «окультурный ренессанс» в значительной мере захлестнули и подорвали интерес к строгому методологическому анализу науки у значительной части читателей. Однако мы не вправе отказываться от рефлексивного отношения к такой интегральной детерминанте развития цивилизации и культуры как наука; отказ от ее осмысления означал бы не только духовную лень, но и опасную слепоту. Эпистемология и философия науки не утрачивают смысл в современном духовном универсуме, но для этого они должны постоянно выходить за узкие дисциплинарные рамки и расширяться до границ рационалистического философствования как такового. При этом, конечно, вновь проблематизируются границы между философией, наукой и противостоящими науке формами знания и сознания.

2. Наука и жизненный мир

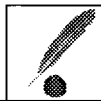
Стремление реабилитировать науку ведет к переосмыслению соотношения науки и ненауки применительно к перспективам культуры и цивилизации и уходу от поверхностных решений. К примеру, вопрос о том, вытесняет

ли наука миф, есть часть более общего вопроса о том, как развивается культура — путем пролиферации, размножения типов культуры, или путем последовательной смены одних типов культуры другими. Экологический подход к культуре состоит в утверждении объективно неизбежного и явного многообразия типов культуры в отличие, например, от типов государственного устройства, экономических структур и научных институтов. Именно в культуре наиболее отчетливо проявляется свободное творческое начало человека, его индивидуальность и духовность, стремление возвыситься над повседневностью. При этом только культурное творчество отличается относительной социальной безопасностью и не разрушает остальных ценностей европейской культуры.

Из этого следует, что отношения между типами культуры не сводятся к *вытеснению* одних другими, но им приходится находить совместный способ существования. Например, наука *потеснила* миф в том, что касается объяснения и преобразования мира, став фундаментом того, что В.И. Вернадский называет «научным мировоззрением». Однако примеры участия мифа в современной культуре неисчислимы и не исчерпываются связями мифа и искусства, мифа и религии, мифа и морали. К. Хюбнер, анализируя Введение в современную конституцию Германии, показывает явную мифологическую нагруженность понятия «немецкий народ». Х. Ленк усматривает в современном спорте извечные признаки мифа. Это примеры того, как миф функционирует в аутентичной форме, выполняя важную культурную функцию *наряду с наукой*. Вместе с тем надо отличать миф от мифологии — популярной, вульгарной, фольклорной версии мифа. Она возникает на развалинах мифа и направлена на его искусственную, внешне-идеологическую реанимацию и эксплуатацию для достижения целей, не связанных с содержанием мифа. Так возникают мифологемы «национальной идеи», «заговора ученых», «империи зла», «исламского терроризма» и т.п. Мифологизация некоторого социально-культурного феномена, даже если она вызвана объективными причинами, представляет собой весьма рискованное предприятие, поскольку обладает иммунитетом к рациональной критике.

Мы часто слышим: наука в своем развитии оторвалась от человека, от его потребностей, от сферы жизненного мира и повседневного понимания. Согласно Х. Люббе, «динамика научного прогресса приводит к потере значения

научных картин мира как средств достижения единства культуры»³. Повседневность-де уже не может ориентироваться на науку и, поэтому, нуждается в религиозном фундаменте. В том, что касается диагноза, можно отчасти согласиться с Люббе. Однако есть иной выход из сложившейся ситуации, который для данного автора, возможно, не представляет интереса. Речь идет о подходе к культуре как многообразию *исторических априори* (Э. Гуссерль), или *универсалий* (В.С. Степин). В таком случае в фокус внимания попадает не отличие разных сфер культуры друг от друга, не иерархические отношения детерминации, вытеснения, поглощения и т.п., но интегральные связи, обеспечивающие единство культуры. Такое единство отчетливо видно в истории отдельных культур — об идее рациональности, свойственной европейской культуре, уже шла речь. Кросс-культурный, компаративный анализ, впрочем, обнаруживает существенные сходства в самых разных, почти не соприкасающихся культурах, например, древнекитайской, древнеиндийской и древнегреческой, когда речь идет о возникновении философии.

Философский анализ науки и познавательного отношения в целом, исходящий из идеи культурных универсалий, может быть таким посредником между наукой и жизненным миром, который не упрощает их в целях мирного сосуществования, но возвышает для проблематичного взаимодействия. Эпистемология в состоянии побуждать обыденное сознание к исследовательскому поиску, к новому взгляду на известные вещи; она соразмеряет науку с человеческими интересами и ценностями. Философский анализ науки не оторван от реальности по определению, не ограничен своим собственным предметом. Он способствует возвращению науки к исторической и культурной реальности ее бытия, изменяя тем самым самосознание науки.

3. О СТРУКТУРЕ ЖУРНАЛА

Современная философия познания может выполнять свою функцию только во взаимодействии со специальными науками о познании. Междисциплинарность — лейтмотив эпистемологии. Редколлегия будет стремиться к публикации

³ См.: Lübbe H. Die Wissenschaften und ihre kulturellen Folgen. Über die Zukunft des common sense // Rheinisch-Westfälische Akademie der Wissenschaften. Vorträge G 285. Geisteswissenschaften. Opladen, 1987. С. 43.

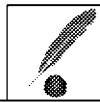
таких материалов, в которых обсуждение фундаментальных эпистемологических проблем ведется на конкретном материале, в диалоге со специалистами из разных областей естественнонаучного и социально-гуманитарного знания. При этом не должна быть утрачена рационально-критическая, собственно философская установка, позиция *трансцендентальной рефлексии*, которая не позволяет абсолютизировать отдельные научные достижения, требует постоянной проблематизации достигнутого уровня специально-научных знаний, побуждает рассматривать всякий отдельный феномен в историческом и культурном контексте.

Тематика нашего журнала весьма широка — от классических проблем эпистемологии, ее истории до самых современных тенденций; от философии и логики естествознания до методологии социальных и гуманитарных наук; от философской гносеологии до теоретической истории и психологии науки, социологии знания и научного познания, когнитивной психологии, антропологии и лингвистики. Самым разным подходам к анализу познавательного отношения — аналитическому, герменевтическому, феноменологическому, структуралистскому, трансценденталистскому и пр. — будут предоставлены равные права на страницах журнала.

Мы предназначаем наш журнал не только для специалистов по эпистемологии и философии науки (преподавателей вузов и научных работников). В не меньшей степени он обращен к ученым-гуманитариям и естественникам, интересующимся методологической проблематикой и социально-культурными проблемами науки. Его читателями могут стать также студенты и аспиранты, изучающие философию, психологию, культурологию. Все, кто ищет информацию о новых идеях в философии и науке, о взаимоотношении науки и общества, науки и религии, о том, как исторически и критически анализировать древние и современные вненаучные формы знания и мировоззрения (мистицизм, магию, астрологию, мифологию), найдут в нашем издании пищу для размышлений.

Наш журнал будет иметь ряд постоянных и временных рубрик, помогающих организовать публикуемые материалы. Многие из них представлены в данном номере. Например, под рубрикой «Академия» будут публиковаться материалы, в которых обсуждаются фундаментальные, и потому неустаревающие, проблемы анализа познания, которые в каждую эпоху приобретают новую форму и содержание. Под рубрикой «Панельная дискуссия» мы поместим материалы, в которых некоторая тема будет обсуждаться с разных позиций с участием нескольких авторов. Одной из постоянных мы надеемся сделать рубрику «Пано-

рама», дающую представление о ситуации в нашем дисциплинарном пространстве с помощью обзорных, обобщающих статей о школах, тенденциях, направлениях и специализациях. Специальная рубрика «Междисциплинарные исследования» будет посвящена актуальным проблемам, обсуждение и решение которых предполагает тесное взаимодействие философов и ученых, специалистов в различных областях знания, близких профилю нашего журнала.

Известно, что в настоящий момент происходит замена экзамена по философии в рамках программы кандидатского минимума на экзамен по истории и философии науки. Это своего рода революция, которая предполагает ряд важных изменений в структуре философского образования: новые учебники, новые курсы, новое методическое обеспечение. Наивно думать, что эти перемены не затронут и общеобразовательный курс философии. Существенные элементы истории и философии науки (с учетом конкретно-научной специализации студентов) придется включать и в этот курс. Однако разработка и чтение такого рода курсов в масштабе всей страны потребует большой междисциплинарной работы на стыке философского анализа науки, общей методологии науки, теоретической (и отчасти эмпирической) истории науки.

Постоянная рубрика «Кафедра» включит результаты особенно важного в нынешних условиях сотрудничества философов-исследователей и преподавателей высшей школы. Среди них — планы общих и специальных курсов, методические рекомендации, обобщение опыта преподавания, фрагменты из антологий и учебников, их критический анализ, отзывы студентов и аспирантов по поводу читаемых курсов. В рубрике «Мастер-класс преподавателя» можно будет ознакомиться с практическими примерами и приемами в области преподавания эпистемологических дисциплин, с фрагментами лучших студенческих и аспирантских исследований по профилю журнала, а также с методикой их критического разбора научным руководителем.

В прошлом году в Институте философии РАН началась работа над созданием «Энциклопедии эпистемологии и философии науки». В рубрике «Энциклопедия» мы будем рассказывать о работе над этим трудом, будем обсуждать возникающие при этом теоретические проблемы, публиковать отдельные статьи, заслуживающие обсуждения.

Не так много конференций и симпозиумов по профилю журнала проходит последние годы в нашей стране и за рубежом. Однако заметно и некоторое ожив-

ление, к примеру, уже более года в Институте философии РАН интерес немалой аудитории вызывает ежемесячный семинар «Проблемы рациональной философии». В Отделе эпистемологии и логики и Отделе философии науки Института работают и другие семинары эпистемологического направления. В рубрике «Симпозиум» будут представлены материалы различных научных мероприятий по профилю журнала.

В рубрике «Контекст» мы будем знакомить читателей с историей взаимоотношений между наукой и ненаукой, с совокупным социокультурным окружением научной деятельности, с результатами критического анализа мистицизма и мифомагического мировоззрения.

Редколлегия предполагает регулярно знакомить читателя с эпистемологическими исследованиями за рубежом. Наши коллеги из Германии, Великобритании, США и других стран будут желанными авторами журнала. Их материалы будут публиковаться в различных рубриках. Для издания фрагментов библиографических редкостей, неопубликованного и впервые переводимого на русский язык наследия философов прошлого мы создаем рубрику «Архив».

В журнале будет публиковаться актуальная информация. Так, в рубрике «Ученый совет» читатель найдет аннотации диссертаций по специальностям «Онтология и теория познания», «Философия науки и техники», «Логика» и др., фрагменты дискуссий на защитах, мнения экспертов ВАК.

Библиографию по философии науки, эпистемологии и когнитивным наукам, рецензии и обзоры отечественной и зарубежной литературы читатель найдет в рубрике «Новые книги».

Несколько слов об организации нашей работы. Мы планируем выпускать журнал ежеквартально. В 2004 г. будут опубликованы два «пилотных» номера, большая часть тиража предназначена к бесплатному распространению. Будут проведены презентации и другие мероприятия для ознакомления общественности с журналом. Затем, с 2005 г. мы рассчитываем открыть постоянную подписку на журнал по доступной цене. Следует подчеркнуть, что издание журнала является некоммерческим предприятием. Средства, полученные от реализации издания, пойдут исключительно на покрытие издательских и редакционных расходов.

В заключение позвольте выразить надежду, что поддержка читателей и авторов журнала поможет нам справляться с нелегким, но интересным и важным делом издания журнала «Эпистемология и философия науки».